

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ И ПРОБЛЕМАТИКЕ СКАЗКИ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ОБМАНЩИК-ГАЗЕТЧИК И ЛЕГКОВЕРНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ»

М. А. Алякринская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается одна из малоизученных сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина «Обманщик-газетчик и легковёрный читатель», которая традиционно интерпретировалась как сатирический очерк, выступление сатирика против коммерческой печати второй половины XIX в. и одного из ее лидеров – А.С. Суворина. Автор доказывает, что «Обманщик-газетчик и легковёрный читатель» в жанровом отношении именно сказка, где устойчивыми элементами служат функции действующих лиц, определяющие развитие сюжета; где есть устойчивый алгоритм (борьба добра и зла), характерный для многих сказок вообще и Салтыкова в частности. Проблематика сказки связана с отрицанием сатириком мира, где слово, формирующее общественное сознание, является товаром; где деньги получают перевес над мыслью, убеждением, идеологией.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, А.С. Суворин, «Новое время», сказка, информационная журналистика, коммерческая журналистика.

Одна из практически неизвестных широкому читателю сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина – «Обманщик-газетчик и легковёрный читатель» – написана эзоповым языком и, как это всегда в той или иной степени бывает у сатирика, содержит многочисленные отсылки к современной ему реальности, не вполне ясные без контекста исторической ситуации 1870–80-х гг. Исследователями сказка трактовалась как «легкий сатирический очерк о современном журналисте» [3, с. 10]; высказывание против «беспринципности» коммерческой печати второй половины XIX в. и одного из ее лидеров – А.С. Суворина [1, с. 456]. Однако, как представляется, узкая историческая трактовка не отражает концепта текста: во-первых, Салтыков не случайно придал произведению жанровую форму сказки, априори предполагающую некое иносказание; а во-вторых, трудно допустить, чтобы Салтыков ограничил это иносказание одной, пусть и весьма известной, фигурой. Напротив, следует исходить из тезиса, что

«Обманщик-газетчик и современный читатель» содержит некое обобщение по поводу работы печати в условиях коммерциализации и влияния медиабизнеса на читательскую аудиторию.

В сказке – что отражено в самом ее названии – фигурируют два основных персонажа: обманщик-газетчик и легковерный читатель, которые, в соответствии с традициями сказочного жанра, имеют устойчивые характеристики и выполняют постоянные функции: газетчик – «знай себе обманывает да обманывает», а читатель – верит, и чем больше верит, тем «больше пятаков газетчику несет» [10, т. 16-1, с. 60]. Развитие сюжета связано с тем, что некие «добрые люди», «пожалев» легковерного читателя, «призвали обманщика-газетчика» и сказали ему: «Будет с тебя, бесстыжий и неверный человек! До сих пор ты торговал обманом, а отныне – торгуй истиной!» [Там же, с. 61]. И начал газетчик читателя «истиной донимать». А читатель под влиянием «истины» «прозрел». Только как-то вышел этот прозревший легковерный читатель на улицу. Но не успел несколько шагов сделать, как «случилась юридическая ошибка, и его посадили в кутузку» [Там же, с. 62]. На другой день «юридическая ошибка объяснилась, и его выпустили на поруки»; но «он возвратился домой и умер» [Там же]. А обманщик-газетчик «четвертый каменный дом под крышу подводит и с утра до вечера думает: чем ему легковерного читателя обманывать: обманом или истиною?» [Там же].

Отметим, что понять этот внешне нехитрый сюжет на самом деле непросто. Сложности прежде всего связаны с эзоповым языком: очевидно, что Салтыков, в соответствии со своей писательской манерой, употребляет целый ряд слов иносказательно, в значении, не совпадающем со значением лексическим; сплетает некую «паутину» из слов с собственной семантикой. Чтобы распутать узел, надо потянуть за воображаемую нить, и сатирик, как Ариадна, эту воображаемую нить читателю предлагает, декодируя некоторые персональные терминологические обозначения. Так, прежде всего – путем цитирования статей газетчика – дешифруются понятия «обмана» и истины»:

«Обман»	«Истина»
«Берегитесь! дифтерит обывателей косит!»; «Дождей с самого начала весны нет – того гляди, без хлеба останемся!»; «Пожары деревни и города истребляют!»; «Добро казенное и общественное врозь тащат!»; «Никакой у нас обеспеченности нет! не выходи, читатель, на улицу: как раз в кутузку попадешь!»	«Нет дифтерита, да и шабаш! И кутузок нет, и пожаров нет; если же и выгорел Контотоп, так после пожара он еще лучше выстроился. А урожай, благодаря наступившим теплым дождям, оказался такой, что и сами ели-ели, да наконец и немцам стали под стол бросать: подавись!»

При сопоставлении цитат становится очевидным, что под «обманом» и «истиною» подразумеваются либеральная («разрушительная») и консервативная (стабилизирующая) информационные повестки. Такое понимание объясняет достаточно большое количество других формул и сентенций сказки: понятие «добрых людей», которые «призвали» газетчика сменить либеральную повестку на консервативную; замечание по поводу «удобства разделки» газетной «истины», способствующей «благоприятствованию воздухов»; рассуждения о том, что у газетчика сердце «давно уж к истине склонялось, да что же поделаешь, коли читатель только на обман клюет!» (то есть либеральная тематика лучше продается, чем консервативная). Также становится понятным эпизод «прозрения» от «истины» читателя, в котором речь идет о таком явлении, как информационное воздействие (манипулирование сознанием): «В булочную зайдет – там ему говорят: “Надо быть, со временем хлеб дешев будет!”, в курятную лавку заглянет – там ему говорят: “Надо быть, со временем рябчики нипочем будут!” – Ну, а покудова как? – Покудова рубль двадцать копеечек за пару!» [Там же].

Одна из главных тем сказки – рынок и печатное слово; мотив розничной торговли и денег проходит в ее тексте рефреном. Газетчик обманывает читателя из-за того, что для него обман – «прямая выгода» [Там же, с. 60]; идейные соображения при этом никакой роли не играют – радикальное изменение направления издания, смена политического окраса цену строки не меняют («...печатает газетчик только истину, а за строку всё пять копеек платит») [Там же, с. 61]. Одинаковость рыночной стоимости «обмана» и «истины» подчеркивается и равной доходностью коммерческих изданий любой политической ориентации: газетчик наживает два дома «обманом», а два – «истиной»; циничность его деятельности характеризуется сравнением «и распивочно, и навынос» – то есть он торгует словом совсем как водкой в кабаке.

Безусловно, высказывая свои мысли о печати, Салтыков ориентировался на конкретную историческую ситуацию второй половины XIX века, связанную с бурным развитием коммерческой прессы. Тогда газеты, оттеснившие журналы на второй план [13, с. 28] стали выгодным промышленным предприятием; а в прессу пришли «люди, не имеющие ничего общего с литературой, – купцы, банкиры, дельцы и спекулянты» [5, с. 487]. В России возникло множество частных СМИ, владельцы которых наживали немалые состояния за счет торговли словом. Безусловно, самым ярким из этих частных изданий было «Новое время» А.С. Суворина, а издатель этой газеты превратился в «одного из богатейших людей страны» [8, с. 55], знаковую фигуру «журналиссимуса», некий символ эпохи. К 1880-м годам «Новое время» – самое массовое (тиражное) и читаемое издание России, причем издание нового типа, порой скандализирующее

традиционного идейного русского читателя (каким и был М.Е. Салтыков-Щедрин) своими установками. Так, в одном из первых номеров Суворин «устроил что-то вроде публичного расставания с шестидесятиничеством» [12, с. 45], объявив, что газета отличается направлением не радикальным, либеральным или консервативным, а «откровенным»; и что мы «мундир себе шить не будем, потому что в нем тесно» [8, с. 54].

М.Е. Салтыков-Щедрин долгое время следил за деятельностью А.С. Суворина. Известна история с письмом сатирика в «Вестник Европы» по поводу рецензии Суворина на «Историю одного города», где писатель вступил в полемику с критиком тогда еще либерального направления. В это время Н.А. Некрасов и М.Е. Салтыков рассматривали отношения с Сувориным как партнёрские; сотрудничали и планировали сотрудничать с ним, хотя Салтыков и называл его в письмах «легкомысленным», утверждая, что из «наследства Белинского» Суворину достались «только две копейки» [10, т. 18-2, с. 78]. В начале издания «Нового времени» Некрасов и Салтыков поддерживали газету (Салтыков опубликовал в ней версию очерка «Тяжелый год»); письма его Суворину, датированные февралем 1876 года, написаны в благожелательной, дружеской манере. Но уже в июле этого года он пишет Некрасову, что «ужасно больно читать такие пошлости, как «Нов<ое> время», «Биржевые ведомости» и проч.» [10, т. 19-1, с. 9]; а в ноябре в письме Анненкову появляются строки о «нахальном «Новом времени» и определение «литературно-политический нужник» в адрес последнего [Там же, с. 30]. После этого отзывы о «Новом времени» и Суворине в письмах сатирика – почти всегда иронично-саркастичные. Так, комментируя в гротескной манере домашний праздник у Суворина в 1882 году, Салтыков заметит, что, по слухам, на нем присутствовал Иуда Искариотский, который «розничную продажу газет выдумал» [Там же, с. 162]; а либеральному юристу А.Л. Боровиковскому Салтыков шутливо пенял, что тот, выказывая «блеск ораторских способностей», способен доказывать, что «Суворин, в сущности, честнейший малый, только прикидывающийся подлецом» [10, т. 19-2, с. 187].

Но Суворин – далеко не единственный делец СМИ эпохи зарождения капитализма в России, дельцом был и А.А. Краевский, среди главных качеств которого современники отмечали умение «делать деньги» [14, с. 123]; также дельцом М.Е. Салтыков считал М.Н. Каткова (не случайно после смерти Каткова в 1887 году сатирик утверждал, что теперь «на вакансии великого патриота, властителя дум и мужа совета состоит Суворин» [10, т. 20, с. 359], только «был кабан – будет поросенок» [Там же, с. 360]. Г.С. Лапшина пишет о «похожести», сопоставимости фигур М.Н. Каткова и А.С. Суворина в современных исследованиях по журналистике, поскольку оба журналиста являлись руководителями влиятельных тиражных газет, оба продемонстрировали «отречение» от прежних

идей [8, с. 33]. Но эти фигуры объединялись и в сознании современников: в один ряд с М. Н. Катковым А. С. Суворина ставил, к примеру Г. З. Елисеев; позднее их сближали В. Л. Львов-Рогаческий и Н. Я. Абрамович [11, с. 64].

Исследователи давно установили, что сказки М. Е. Салтыкова аккумулируют идеи, которые высказываются и в других произведениях сатирика [3, с. 9]. В этом плане своеобразным комментарием-дополнением к сказке «Обманщик-газетчик и легковёрный читатель» могут служить эпизоды циклов «Круглый год», «В среде умеренности и аккуратности», «Пестрые письма» «Мелочи жизни» и другие. Особенно близки сказке по времени написания и во многом – проблематике «Пестрые письма» [2, с. 97]. Характерно, что в этом цикле фигуры Суворина и Каткова объединены.

В «Пестрых письмах» действуют публицисты Подхалимов (фамилия очевидно говорящая, свидетельствующая о том, что ради денег этот работник пера готов на любую конъюнктуру) и Скоморохов. Подхалимов – идеолог нового (по терминологии современных исследователей – «информационного», а по терминологии Салтыкова – «розничного») типа печати; его рассуждения во многом соответствуют деятельности «газетчика-обманщика» и оправдывают ее. Важнейшая его установка – отказ от гражданской позиции, которая, с его точки зрения, совсем не должна влиять на то, что журналист делает. Подхалимов утверждает, что проявлять в текстах свои взгляды (тем более устойчивые в течение многих лет) не стоит, ведь то, что публикуется в газете, – это «так»: «Так» – и ничего больше» [10, т. 16-1, с. 311]. Когда автор-повествователь (автобиографический персонаж) спрашивает, не «соврал» ли Подхалимов, возвещая в России конец эпохи «хищений», тот отвечает: «Да вам-то, наконец, не все ли равно? Есть хищения, так есть, нет их, так нет! Эка беда!» [Там же, с. 310]. И такая позиция, с его точки зрения, означает умение смотреть на мир «непредубежденными» глазами, не быть ангажированным.

Подхалимов весьма свободно относится к факту, что, кстати, тоже сближает его с газетчиком-обманщиком. На вопрос автобиографического персонажа о том, были ли у журналиста какие-либо факты, послужившие отправным пунктом для передовицы о хищениях, Подхалимов отвечает: «Как фактам не быть? За фактами никогда дело не станет. Есть факты, которые свидетельствуют, что хищение прекратилось..., и есть факты, которые свидетельствуют, что хищения продолжают круг своего действия... Стало быть, все зависит от того, как посмотреть. Ежели одним оком взглянуть – есть хищения; ежели другим – нет хищений» [Там же, с. 311]. Установку на выборочное использование фактов; на право оставлять те, которые выгодны для издания в данный момент и игнорировать другие, Подхалимов цинично объясняет требованиями публики;

он сознается, что на потребу публике написал «заказную», говоря современным языком, статью, благодаря чему издатели получили прибыль от розничной продажи номера («Ну, и набрали же они в это утро пятаков!») [Там же, с. 312].

Характеристика Подхалимова как представителя прессы была признана современниками полностью соответствующей действительности: рецензенты писали, что в этом типе следует видеть «всю торгующую литературу» [Там же, с. 507]. Про «всю» – верно, ибо у Салтыкова образ Подхалимова собирательный, и в «Пестрых письмах» речь идет не об одном публицисте, а о многочисленных Подхалимовых: «*вчерашних*», которые «первые наглядно доказали, что можно жить и без принципов», и «*нынешних*», у которых есть «только недюжинные способности по части исследования корней и нитей, шантажа и обескуражения «брюханов» [Там же, с. 315]. Даже в пределах одного очерка число Подхалимовых множится, и под этим именем в разных местах текста подразумеваются разные люди. Подхалимов – известный «отметчик, корреспондент и публицист» – рассуждает о связи новой прессы с капиталом, о том, что ныне печать разрабатывает промышленные и торговые интересы, и что тут «миллионами пахнет». Но крупные куши достаются не рядовым работникам, а «высшим деятелям розничной публицистики», «крупным хищникам» [Там же, с. 316], среди которых тоже есть свои Подхалимовы, и первый кандидат на Подхалимова-хищника, безусловно, издатель газеты «Новое время» (надо отметить, что фамилия Подхалимов очень соответствует названию издания «Чего изволите?», под которым устойчиво фигурировало «Новое время» в текстах М.Е. Салтыкова).

Что касается «хищников», то среди многих издателей, разбогатевших на газетном деле, исследователи, кроме А.С. Суворина, называют А.А. Краевского («Голос»), С.Н. Худекова («Петербургская газета»), С. Пропера («Биржевые ведомости») Н.И. Пастухова («Московский листок») и других [14, с. 280]. Но, думается, М.Е. Салтыковым под «высшими деятелями розничной публицистики» подразумевались прежде всего создатели и вдохновители наиболее влиятельных в 1880-е годы изданий – А.С. Суворин и М.Н. Катков.

М.Н. Катков тоже есть в «Пестрых письмах», он выведен под именем публициста Скоморохова. Ранее публицист с такой фамилией фигурировал в «Пошехонских рассказах» Салтыкова, в качестве характерной черты персонажа там подчеркивалось приспособленчество: Скоморохов в свое время был «и либералом, и антилибералом, и реформенником, и антиреформенником, и всегда с успехом» [10, т. 15-2, с. 141]; городничий штабс-капитан Мазилка обвинял его в отступничестве: «... На языке у тебя мед, да на душе-то... Петля, а не человек – вот ты что! Сколько раз листья вон эта береза переменяла, столько же раз и ты менялся!» [Там же,

с. 140]. «В образе Скоморохова, – писал Г. В. Иванов, – воплощены черты многих ренегатов демократии и либерализма, от бывшего «искровца»-шестидесятника Буренина до деятеля судебной реформы Победоносцева, но прежде всего ... это Катков с его «Московскими ведомостями» [6, с. 329].

Таким образом, если определяющей чертой газетчика-обманщика считать мимикрию, то М. Н. Катков почти с таким же основанием, как и А. С. Суворин, может считаться прототипом этого героя. А если учесть, что деятелей, эволюционировавших от идеологии российского либерализма к теории и практике консерватизма, было немало, то возможны и другие кандидатуры: Е. Н. Сонина пишет, что во «флюгерстве», к примеру, современники «много упрекали» А. А. Краевского [15, с. 218, 219]; и, несмотря на понятную осторожность М. Е. Салтыкова, по некоторым его письмам видно, что он также считал Краевского дельцом [10, т. 20, с. 15], легко менявшим ориентации своих изданий в зависимости от конъюнктуры. Так что по меньшей мере черты трех издателей – А. С. Суворина, М. Н. Каткова, А. А. Краевского – объединены в образе «газетчика-обманщика». Думается, когда Салтыков этот образ создавал, он имел в виду не какую-то одну личность, а многих представителей поколения журналистов и писателей 1840-х годов – поколения, которое начинало демократическими устремлениями, поддерживало либеральные реформы 1860-х годов, а закончило «трезвомыслием» или небезвыгодной продажей убеждений. В последней главе цикла «Пестрые письма» Салтыков, ополчаясь на «пестрых» (шатающихся, неустойчивых. – М. А.) людей, пишет об их «зачинщиках» и «коноводах» так: «Общий признак, по которому можно отличать пестрых людей, состоит в том, что они совесть свою до дыр износили. А взамен совести выросло у них во рту по два языка, и оба лгут, иногда по очереди, а иногда – это еще постыднее – оба зараз.... Всем они в течение своей жизни были: и поборниками ежовой рукавицы, и либералами, и западниками, и народниками, даже «сицилистами», как теперь говорят. Но нигде не оставили ни скрупула своей души, потому что оставить было нечего. Все их искусство всегда состояло в том, чтобы выждать потребный момент и как можно проворнее переодеться и загримироваться» [10, т. 16-1, с. 400].

Трагизм ситуации «отступничества» и продажности в сфере литературы (журналистики) заключается в том, что в этой ситуации есть жертва – читатель. Он страдающая сторона, это его сознанием манипулируют, и это его, как скажет М. Е. Салтыков, ежедневно «запугивают». В «Мелочах жизни», приводя примеры хаотичной отрывочной новостной информации из современных ему газет, сатирик комментирует этот (опять же говоря современным языком) информационный беспорядок так: «Все мы каждодневно читаем эти известия, но едва ли многим приходит на мысль спросить себя: в силу чего же живет современный человек? и каким об-

разом не входит он в идиотизм от испуга?» [10, т. 16-2, с. 12]. Подобный порядок вещей, с точки зрения сатирика, вреден, потому что знания читателя «о родной стране» выходят исключительно из источника, где Скоморохов – «явно лжет и подтасовывает»; а Подхалимов – «неизвестно чему веселится и скачет с штандартом» [10, т. 16-1, с. 321]; где «Скоморохов, под видом защиты принципов порядка и устойчивости, бессовестно пользуется ими в качестве полемического приема, чтоб зажать рот своим противникам», а «Подхалимов – от всяких принципов отшучивается и напрямки заявляет, что, кроме уныния и скуки, ничего они обществу дать не могут» [Там же, с. 321]. В такой ситуации, по словам писателя, читателю не остается ничего другого, как в «угаре недоумения и неведения» оставаться «простофилей» [Там же, с. 321].

Читателю в принципе в системе литературы Салтыков отводил крайне важную роль: «Вопрос о читателе для убежденного писателя далеко не праздный; читатель – тот устой, на котором зиждется деятельность писателя; он единственный объект, ради которого горит писательская мысль» [10, т. 16-2, с. 133]. В «Мелочах жизни» сатирик дал некую классификацию читателей: читатель-друг, читатель-простец, солидный читатель, читатель-ненавистник. Очевидно, что читатель «розничной печати» – это в основном читатель-простец, «человек улицы», который «в бесчисленном количестве кишит на улицах, в театрах, кофейнях и прочих публичных местах, изображая собой ту публику, к услугам которой направлена вся производительность страны...» [Там же, с. 147]. Такой читатель-«масса» – принципиальный потребитель, на которого и ориентирована в основном рыночная пресса; он «составляет ядро читательской массы»; «главный ее контингент» [Там же, с. 147]. Легкомысленный (и поэтому легковверный) читатель отличается «несложностью требований», самая характерная его черта – неумение, а главное – нежелание мыслить. Поэтому он и способен «проглотить» любую ложь газетчика, и чем невероятнее эта ложь, тем с большим усердием он ее заглатывает. Как в сказке: «Смекнул газетчик, что его обманы по сердцу читателю пришились, – начал еще пуще поддавать. «Никакой, говорит, у нас обеспеченности нет! не выходи, говорит, читатель, на улицу: как раз в кутузку попадешь!» А легковверный читатель идет гоголем по улице и приговаривает: «Ах, как верно газетчик про нашу необеспеченность выразился!» Мало того: другого легковверного читателя встретит и того спросит: «А читали вы, как прекрасно сегодня насчет нашей необеспеченности газетчик продернул?» – «Как не читать! – отметит другой легковверный читатель, – бесподобно! Нельзя, именно нельзя у нас по улицам ходить – сейчас в кутузку попадешь!» [10, т. 16-1, с. 60].

Интересно, что литературоведы почти не задавались вопросом о том, отчего именно умирает легковверный читатель. Действительно, в

сказке его смерть практически не мотивирована, Л.П. Гроссман справедливо почувствовал в этом некую сюжетную неувязку, высказав мнение, что причина смерти – в стремлении «бульварной прессы» «огорошить» читателя «так называемыми сенсациями» [3, с. 295]. Однако можно ли назвать приводимые в тексте сказки газетные сообщения сенсациями? Нет, это просто вбивание читателю в голову стандартного информационного «позитива» или «негатива», формирующего ту или иную картину мира; подобным «вживлением электродов в мозг» занимались и «Новое время» [12, с. 9, 10, 118] и «Московские ведомости» [7, с. 113]. По поводу смерти читателя можно высказывать гипотезы, вероятной представляется следующая.

В финальной части сказки читатель, окончательно уверовавший в мифологическую картину процветающего состояния дел в стране («прозревший», по Салтыкову), идет в свой последний поход «в надежде славы и добра». В комментариях к тексту в качестве автора цитаты справедливо указывается А.С. Пушкин, однако цитата эта могла иметь и другой источник: словами «в надежде славы и добра» кончался репортаж Д. Аверкиева в «Новом времени» о повешении пятерых народовольцев [12, с. 70]. Правда, казнь и репортаж были в 1881 году, но утопия ожидания «славных дней» от нового царствования была идеологемой начала 1880-х годов, насаждалась консервативной прессой, теми же изданиями М.Н. Каткова. И «запрограммированный» читатель, столкнувшийся с реальностью, противоречащей его ценностным и смысловым конструктам, должен был испытать некий когнитивный диссонанс (здесь, безусловно, можно вспомнить знаменитое пробуждение стыда у героев Салтыкова, приводящее их к самосуду, и, как следствие – гибели).

То, что газетчик прямо виноват в гибели читателя – это аксиома, иначе и сказки бы не было. В художественном мире сказки (и очерках «Пестрых писем») газетчик – «хищник». Ну, а читатель – жертва, функционально ничем не отличающаяся от того же самоотверженного зайца или карася-идеалиста. И, что характерно для миропонимания сатирика, жертва, которая полностью заслуживает того, чтобы быть таковою, ибо, как писал М.Е. Салтыков, «горе „карасям“, дремлющим в неведении, что провиденциальное их назначение заключается в том, чтобы служить кормом для щук, наполняющих омут жизненных основ!» [10, т. 11, с. 122].

Мир сказок Салтыкова – мир торжествующей неправды и поиска Правды. В этом мире ситуация коммерциализации печати, продажности слова напоминает о Свинье, пытающейся съесть Правду, и Салтыков полагал, что эта ситуация опасна для литературы, общества и государства в целом. Вмешательство денег в процесс литературы (а к литературе М.Е. Салтыков причислял и журналистику) – тема, крайне болезненная для сатирика. Исследователями зафиксирован факт «литературоцентризма»

сознания писателя, для которого литература являлась воплощением «всех духовных сил» страны; не одной из функций, а «главной и единой», заключающей в себе «неоскудевающий источник жизни» [10, т. 13, с. 457]. Писатель полагал, что литература, обсуждая «основы» жизни, способствует развитию страны, ибо только с помощью слова возможна выработка направлений социального и культурного движения; именно литература выдвигает идеалы, которые ведут общество. Поэтому в литературе – сфере мысли – абсолютно недопустимы компромиссы и бессознательность. В 1886 году в письме Г.З. Елисееву Салтыков высказался о недопустимости любых «соглашений» в литературе: «...Литературная проповедь перестанет быть плодотворною, ежели будет говорить о соглашениях с Дворниковыми. Для этого достаточно Сувориных и Краевских...» [10, т. 20, с. 296]; «Литератор, яко человек, имеет право бояться за свою шкуру, но литература должна оберегать свою проповедь от всяких примесей...» [Там же, с. 297]; «В Евангелии есть прекрасное изречение: если око твое тебя соблазняет, то вырви его. Вот настоящая задача литературы, хотя, конечно, она не должна скрывать от читателя трудности ее выполнения, и обязана прибавлять: могий вместити да вместит. Но ни в каком случае не та практика, которая заставила Петра три раза отречься прежде, нежели три раза прокричал петух» [Там же, с. 297].

Исходя из тезиса «чистоты» литературы, Салтыков в «Пестрых письмах» писал, что печать в качестве общественной силы требует защиты, «ограждения, для всех мнений и партий одинаково обязательного» [10, т. 16-1, с. 314]. Само слово как таковое для Салтыкова сакрально, оно – «дар божий» [10, т. 14, с. 7]; торговля им – недопустима. Не может быть торговцев в храме, не может быть литературы там, где торгуют, отсюда – определения «розничной», то есть коммерческой, продажной, журналистики как «нужника».

Таким образом, сказку «Обманщик-газетчик и легковерный читатель» не следует считать сатирическим очерком, посвященным одной фигуре. По жанру это именно сказка, где устойчивыми элементами служат функции действующих лиц, определяющие развитие сюжета; где есть некий устойчивый алгоритм (борьба добра и зла), характерный для многих сказок вообще и Салтыкова в частности; где зло, персонифицированное в виде «газетчиков-обманщиков» (хищничества в области литературы и журналистики), торжествует: газетчик «съедает» читателя, как щука карася. И это – общая для многих сказок Салтыкова нравственная проблематика. С другой стороны, художественный мир сказки выводит в проблемное поле взаимоотношений средств массовой информации с капиталом. Для Салтыкова неприемлема модель мира, в котором слово, формирующее общественное сознание, является товаром; где деньги получают перевес над мыслью, убеждением, идеологией. В этом мире

неизбежно нравственное предательство, с одной стороны, и жертва – с другой, ибо если дать возможность хищнику-газетчику «питаться» пусть и легковверными, но все же по большому счету невинными читателями, он с удовольствием будет это делать. Что мы и видим в современном мире.

Список литературы

1. Баскаков В. Н. Комментарии к сказке «Обманщик-газетчик и легковверный читатель» // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. Москва : Художественная литература, 1965–1977, Т. 16, кн. 1, с. 456.
2. Бушмин А. С. Сказки Салтыкова-Щедрина. Ленинград : Художественная литература, 1976. 275 с.
3. Гроссман Л. П. Салтыков-сказочник // Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки. Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. С. 5–15.
4. Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. Москва : РОССПЭН, 1998. 375 с.
5. Есин Б. И., Дементьев А. Г., Березина В. Г. История русской журналистики XVIII–XIX веков. Москва : Высшая школа, 1973. 518 с.
6. Иванов Г. В. Комментарии к «Пошехонским рассказам» // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание соч. : в 20 т. Москва : Художественная литература, 1965–1977. Т. 15, кн. 2. С. 306–331.
7. Кругликова О. С. Русская консервативная публицистика второй половины XIX века / Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. Санкт-Петербург, 2017. 245 с.
8. Лапшина Г. С. История русской журналистики. Вторая половина XIX века. Ч. 2. Москва : Аспект-Пресс, 2020. 142 с.
9. Катков М. Н. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 6. Pro et contra. Санкт-Петербург : Росток, 2012. 863 с.
10. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. Москва : Художественная литература, 1965–1977.
11. Санькова С. М. Два лица «Нового времени». Орел : Госуниверситет-УНПК, 2011. 225 с.
12. Соловьева И. Н., Шитова В. В. А. С. Суворин: портрет на фоне газеты. Москва : Государственный центральный театральный музей : Navona, 2017. 125 с.
13. Сониная Е. С. Газетная столица России // Триста лет печати Санкт-Петербурга : материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2011. С. 25–32.
14. Сониная Е. С. Петербургская универсальная газета конца XIX в. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. 356 с.
15. Сониная Е. С. Прижизненная иконография «Мафусаила российской словесности» А. А. Краевского // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2010) : Ч. 1. Санкт-Петербург : СПГУДТ, 2011. С. 213–224.
16. Тюнькин К. И. Комментарии к письму V «Пестрых писем» // М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20 т. Т. 15. Москва : Художественная литература, 1965–1977. С. 506–510.

**TO THE ISSUE OF THE GENRE UNIQUENESS
AND THE CONCEPT OF THE FAIRY TALE
“NEWSPAPERMAN-LIER AND CREDULOUS READER”
BY M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN**

M. A. Alyakrinskaya

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Saint Petersburg

The article explores the little-studied fairy tale “Newspaperman-liar and credulous reader” by M. E. Saltykov-Shchedrin, which traditionally is considered as a satirical essay and satirist’s statement against commercial print media of the second part of 19th century and one of its leaders – A. S. Suvorin. The author shows, that “Newspaperman-liar and credulous reader” is a fairy tale, where functions of characters are stable elements, determining the development of the plot; where there is a stable algorithm (struggle between good and evil) typical both for a lot of tales as a whole and for Saltykov in particular. The concept of the tale relates to the satirist’s denial of the world where a “word” influencing public opinion is a good; where money prevails over someone’s opinion, belief or ideology.

Keywords: *M. E. Saltykov-Shchedrin, A. S. Suvorin, “Novoye Vremya” (newspaper), fairy tale, information journalism, commercial journalism.*

Об авторе:

АЛЯКРИНСКАЯ Марина Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления Российской академии государственной службы (170100, Санкт-Петербург, Средний проспект В. О., д. 57/43), e-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru.

About the author:

ALYAKRINSKAYA Marina Andreevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Journalism and Media Communications Department, Russian Academy of Public Administration – North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Sredniy prosp. V. O., 57/43), e-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.10.2022 г.

Дата подписания в печать: 27.02.2023 г.